

18+

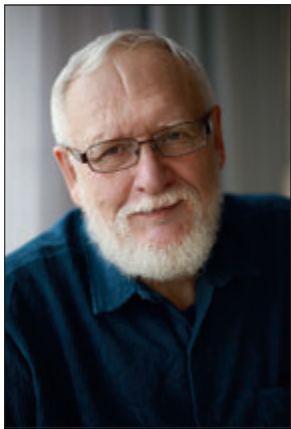
Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №7 2024 ГАЗЕТА

Борис Бартофельд / Возвращение на Голгофу

Борис БАРТФЕЛЬД

Родился в 1956 г. в пос. Новостроево Калининградской области, где учился в средней школе. Окончил с отличием университет по специализации «Теоретическая физика». Занимался математическим моделированием и исследованиями сложных технических систем и природных процессов.

Председатель Калининградской областной писательской организации (в составе Союза российских писателей). Стихи и рассказы переводились на литовский, польский, немецкий и латышский языки. Автор четырнадцати книг художественной прозы и поэзии, книг по истории края. Организатор международных литературных конкурсов и фестивалей. Лауреат главных региональных и городских премий в области литературы и культуры. Живет в Калининграде.

Борис БАРТФЕЛЬД Стихи разных лет

* * *

Горчат люпины, молоко горчит,
Молчат долины и холмы молчат,
Лишь моря гул и клёкот аистят
Доносится сюда с окрестных дюн,
Где лес-колдун над озером шумит.

Но ты меня не слышишь, путь закрыт,
Разобрана дорога на Янтарный,
Ни пассажирский поезд, ни товарный
Как друг на помощь больше не спешит,
И кажется, что мир уснул, а я забыт.

Природа величава и строга, навзрыд
Об увядании цветов не зарыдаёт,
Когда по зелени нетронутых лужаек
Я к морю побреду, а ты одна
В пустой вагон войдёшь, собой горда.

Вот потому так горек вкус у молока,
С тобою мы в тот год не понимали,
Что наши игры, полные печали,
Осядут в наших душах навсегда
Люпинной горечью июльских расставаний.

* * *

Слепой июль, уставший от жары,
На ощупь собирающий дары,
Где вишни наберёт, где земляники,
Звонящих пчёл небесные хоры,

Здесь девушка в серебряной тунике
Проходит сквозь миры, как сквозь дворы.

Весь остров погружён в цветенье липы,
Вы слышите, доносит ветер всхлипы,
На Линденштрассе лающие крики,
Но мы с тобой покуда неубиты.
Пока на нас с небес взирают лики
Великих предков и простых учителей.

Всё отразилось в этом кратком миге —
Кровь на траве, разорванные книги,
Тень Канта на обшарпанной стене,
Пред ней Магистр, Король, безликий
Диктатор в ликующей на улицах толпе.
Запомните всё это, но не повторите.

К парку усадьбы Ф. И. Тютчева

Нам август не готовил этой встречи,
Не обещал невиданных щедрот,
Мои друзья разъехались далече,
В дому моём никто меня не ждёт.
Мне старый парк раскрыл свои ворота
В тот прошлый мир, где время не течёт,
Где столь щедра божественная квота
Для русской музыки, для родного слова,
Для вольного, высокого полёта.
Над нашим веком тот же купол неба,
Всё тот же водят звёзды хоровод,
С проходим делим мы краюху хлеба
И слышим музыку в журчанье вешних вод.
И новый смысл мы ищем в старых строках,
Они для нас — через стремнину брод,
Уходят люди, но не гаснет род,

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные
индексы издания:

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2024 №7 /1948/ Основана в 1927 г.

Борис Бартфельд

Возвращение на Голгофу

Роман

Пролог

Эти птицы жили здесь всегда.

Огромные птицы Роминтенской пуши.

Зоркие глаза Красного леса и Красной реки.

Век назад их предки облюбовали высокую сосну на крутом берегу.

И теперь землю далеко кругом покрывал слой мелких костей, пуха и шерсти.

Иногда хозяева гнездовья парой кружили над лесом в беззвучном небесном танце. Но чаще в небе он парил один — грозный орёл, высматривающий свою добычу.

Он не боялся ничего, кроме треска прожорливого огня и человека с его чадающими машинами; похожие на длинных грохочущих червей, они вгрызались в глубину леса и выволакивали за собой вековые сосны.

Орёл тяжело взлетал из гнезда и кругами, расходящимися всё шире и шире, поднимался к небу. Его владения раскинулись так обширно, что с самого верха он не мог окинуть их взглядом от края и до края.

Далеко на восток уходил лес, за ним синела огромная чаша озера — глубокого, древнего. На юг лес тянулся бесконечно, и до границ его взгляд птицы не достигал. На север и запад текли быстрые реки, там лес заканчивался, и холмы сменялись бескрайней равниной. Среди холмов и по равнине в домах под черепичными крышами селились люди, по соседству с ними среди руин красного кирпича жили их боги.

То поле — заветное место охоты, охранял он своей магической силой, небесной силой. Оно лежало на северо-западном краю его владений, и туда неизменно во множестве приходили кормиться грызуны и мелкие хищники. Поле это он находил взглядом из любой, самой далёкой точки своего полёта по загадочному силуэту. Как только стаивал снег, сквозь траву проступал профиль хищной птицы: два глаза — пуговицы с офицерской шинели — золотом вспыхивали под лучами солнца; между ними блестел огромный нос — штык от русской винтовки.

Туда, огромный и грозный, падал он с неба за своей законной добычей.

Глава 1

Октябрь 1944 года

Они лежали в поле. Их шкуры, омытые дождём, были ещё упруги, и только в тех местах, где пули выворотили наружу мясо, нарушалась та восхитительная гладкость лошадиного тела, которая издревле манит человека. И до сей поры нет ничего более заворающего для мужчины, чем оглаживать ладонью упругие, трепещущие бока лошадей. Они лежали в холодной осенней траве в два ряда, почти повоенному ровных; лишь лошади, тянувшие телеги в хвосте обоза, успели метнуться в стороны под пулёмётными очередями, нарушив строгий порядок. Люди выпрягли неподвижные тела из телег, сняли хомуты, подпруги, уздечки, вожжи. Телеги с уцелевшим грузом увезли, а лошади остались свободными от тягла, но теперь вместо человека, извечно впрягавшего их в ярмо, смерть стреножила и уложила их в чужом поле. Лошади эти попали сюда из русских и белорусских деревень да литовских хуторов, и все то время, пока их держали во фронтовых частях, они тяжело работали на войну. Птицы только начали расклёвывать их мясо, и зверью ещё предстояла обильная трапеза. До первого снега их обложат хищники, обточат насекомые, и на поле останутся только белоснежные скелеты и изысканные лошадиные черепа. Да и кости эти через годы исчезнут, растворятся, уйдут в землю кальцием и фосфором. Но и этому неизменному и столь естественному в природе процессу не суждено сбыться в войну. Издали послышался глухой, рваный гул, он стремительно нарастал, наполнялся лязгом стальных гусениц, на поле ворвалась танковая армада, шедшая в несколько колонн. Через минуту гул начал затихать, танки уходили так же стремительно, как и появились, унося на гусеницах лошадиное мясо. В минуту поле превратилось в грязную смесь глубоко взрытой почвы и размолотых лошадиных останков.

Все стихло.

...Утро так и не распогодилось. Холодный, осенний туман мелкими каплями садился на телогрейки и шинели солдат, стекал за ворота гимнастерок. После спешного завтрака артиллерийский противотанковый истребительный полк двинулся от поселка Миллунен в сторону Толльмингкемена¹. Был день 23 октября 1944 года, и уже началась та промозглая осенняя пора, что так сильно отличается от начала осени. Вернее, той ее половины, на которую приходится бабье лето, необыкновенно длинное в этой части Восточной Пруссии, приграничной с Литвой и Польшей.

Артиллерийский полк придавался в распоряжение то одной, то другой наступающей стрелковой дивизии, особенно на тех участках фронта, где была велика вероятность танкового контрудара немцев. Батареи поддерживали огнем пехоту, прорывающую укрепленные позиции врага возле каждой высотки,

возле каждого поселка и городка этой первой на пути солдат Красной армии германской земли.

Тридцать четыре орудия полка, десяток машин, повозки службы управления и хозяйства растянулись по узкой дороге, плотно обсаженной деревьями, километра на четыре. Комбаты до хрипоты срывали глотки, пытаясь сжать эту постоянно растягивающуюся пружину из техники, лошадей и людей.

Уже ближе к полудню тягачи с пушками второй батареи медленно спустились с холма по дороге, вымощенной крупным, аккуратно подогнанным друг к другу булыжником, и втянулись через небольшой мост в старый прусский поселок.

Старшина, водитель командира полка, ожидал машины у околицы. Не глядя, засадив две длинные автоматные очереди куда-то в сад за домами, он прокричал комбату:

— Заворачивай батарею во второй проулок. Там увидишь три дома. Занимайте, все ваши.

Большая собака выскочила из-за дома, со злобыным лаем стала наскакать на старшину. Не прерывая разговора, тот достал из кармана маленький трофейный пистолет, дважды выстрелил прямо в собачий оскал. Лай захлебнулся истошным визгом, собака затихла.

— Как разместишь своих, сразу с картами к Бате, мы в здании вокзала. Поспешите...

Старшина, годившийся комбату в отцы, в горячке обращался к нему без звания и должности. Комбат, высокий, по-военному подтянутый, даже шеголеватый капитан, которому недавно исполнилось двадцать три года, снисходительно относился к вольностям старшины, хотя с солдатами батареи был строг и панибратства не допускал.

Первый студебеккер батареи тяжело повернул направо в проулок, вывернул брусчатку, завалил невысокий забор, выбросил клубы жирного дыма и ткнулся носом в старую яблоню, так и не заглушив двигатель. Пушка, прицепленная к тягачу, перегородила подход к калитке дома, и комбат заставил водителя проехать еще метров на двадцать вперед. Следом за первой в проулок заехали еще две машины с орудиями. Упряжка лошадей, тащившая четвертую пушку, протиснулась между изгородью и машинами во двор крайнего дома. Ефим, девятнадцатилетний сержант-связист, сидел рядом с ездовым Колькой Чивиковым, расторопным молодым мужиком из Брянской области. Из машин повыскакивали солдаты, стали торопливо обустраиваться в домах, стараясь занять лучшие места. Колька же не спеша выпряг лошадей, повел их через двор к сараю из красного кирпича, покрытому такой же красной черепицей. В стену сарая были вделаны металлические кольца, специально для привязи лошадей. Ездовой дал лошадям по охапке привезенного с собой сена, пошел осматривать сарай. Вернулся довольный:

— Слышь, Ефим, оставайся здесь со мной. Сарай капитальный, теплый, чего тебе лезть к комбату. Покою там не будет, людей полно, тесно... А сюда я никого не пушу. Смотри, сколько здесь сена для лошадок, а наши ребята без курева не могут. Того гля-

¹ Комментарии и примечания к главам приведены в конце книги.

ди, и подпалят, а сено-то душистое, не пересушенное. Оставайся, тащи сюда свои манатки.

— Договорились! — Обрадованный Ефим кинулся к машине комбата за вещами.

Колька любил, когда этот ухватистый парень вошел в близость. Из всей второй батареи он лучше всех, не считая, конечно, самого Кольки да Петрухи Тихого, управлялся с лошадьми. Ефиму ещё мальчишкой приходилось иметь дело с лошадьми, а первые два года войны, пока не исполнилось восемнадцать, он с ними не расставался. Перегонял скот с Украины на восток, уходил от наступавших фрицев, переплывал с табуном, держась за гриву жеребца, через Днепр и Волгу. До апреля 1943 года он работал в бригаде на всеми забытом хуторе в саратовской степи. И ездил не только на лошадях, но и на верблюдах, доил коров, случалось, и кобылиц, даже верблюдиц, спасаясь молоком от голода. Когда в апреле, в день своего восемнадцатилетия, парень явился в районный военкомат, никто его там не ждал, даже не подозревал о его существовании. Удивились, записали данные и отправили обратно в степь, дожидаться повестки. Бумага из района пришла в мае, и Ефим отправился служить, но не на фронт, как он по простоте душевной полагал, а сначала в учебный полк. Учили их там всяким телефонным, радиотехническим и военным премудростям ни много ни мало, а до октябрьских праздников, и только после этого по первым заморозкам отправили в действующую армию. К началу наступления в Восточной Пруссии Ефим провоевал почти год, пообтесался, освоился и числился уже бывалым бойцом.

Пока сержант перетаскивал радиостанцию и свои вещи, Колька устроил в сарае стол и лавки из добротных струганых досок, аккуратно сложенных хозяевами для просушки вдоль дальней стены.

— Спать будем на сене вон в том углу. Ладно, доставай тушенку, перекусим по-быстрому. — Николай вынул остро заточенный трофейный складной нож с двумя лезвиями.

— Значит, сейчас оприходуем банку пополам, а вернешься от комбата, тогда уж поедим как следует. Я на кухню к Палычу сам сбегаю.

Поваром на батарее служил пожилой мужик из той же брянской деревни, что и Колька. Звали его уважительно Иван Павлович, чаще просто Палыч. Земляка своего он уважал, и поэтому столоваться с Колькой было милое дело. Одним ловким круговым движением ножа Николай вскрыл банку, сунул Ефиму ложку и кусок хлеба:

— Рубай и беги к своему комбату, пока он на месте. Да заодно узнай, как этот поселок называется. Если кого убьёт, хоть будем знать, где...

Съесть на ходу полбанки тушенки — секундное дело. Ефим схватил автомат и, легко перемахнув через забор, побежал в соседний дом. Капитан Каневский еще собирался, укладывал карты в новую офицерскую планшетную сумку.

— Быстро заточи мне карандаши, — бросил он Ефиму, не отвываясь от карт. — Да возьми мою ста-

рую планшетку, пользуйся. Пойдешь со мной к командиру полка. Подождешь там, у штаба, вдруг куда сбежать понадобится.

Широко распахнув дверь, комбат вышел из дома, легко сбежал по ступенькам высокого крыльца и быстро зашагал к зданию вокзала, где разместился штаб. Сержант поспешал следом.

— Послушай, Марк. — Когда рядом никого не было, Ефим запросто называл комбата по имени, да и тот относился к сержанту как к младшему брату. — Как называется этот поселок и сколько мы тут будем стоять?

— Ну, сколько стоять будем, пока не знаю, а поселок называется Толльмингкемен. Да зачем тебе это знать? Не все ли равно — одна деревня или другая? Все чужое...

— Ну, не скажи. Вон даже наш ездовой интересуется. Говорит, коли кого убьёт, так хоть знать будем, где.

— Не бойся, здесь не убьёт, — отмахнулся комбат. — Все спокойно, немцы с позиций откатились. Если уж сшибёмся где, так в другом месте, как в наступление пойдём. Неподалеку тут городок есть — Шталлупенен*, а южнее нас этот... Гольдап. Только что по картам сверял. Скажи своему ездовому, коль ему интересно. И пусть не каркает.

Комбат с полным правом мог давать такие назначения. К началу войны он успел закончить два курса математического факультета университета, что для хорошего артиллериста немаловажно. Да и провоевал он уже три года, два ордена получил и только что пришил капитанские погоны. Ефим же успел доучиться лишь до седьмого класса, другие бойцы столько же, а некоторые и вовсе окончили только начальную школу. Так что на капитана своего бойцы смотрели как на человека образованного и бывалого.

Вскоре подошли к вокзалу, добротному зданию из красного кирпича, перед которым блестела влажной чистотой маленькая площадь, выложенная мелкой гранитной брусчаткой. На боковом фасаде здания чёрной краской была нанесена надпись — название посёлка, а может быть и станции — «Tollmingkehmen».

Комбат прошел в вокзал. Несколько человек перетапывались у входа, курили, о чем-то негромко переговаривались.

— Эй, сержант, подходи сюда, угости табачком. — Водитель командира полка по-дружески помахал Ефиму рукой. — Чего это ты сбежал от нас к лошадиному? Или на командирской машине сильнее трясет? — Все засмеялись.

— Трясет-то не сильно, но ты же знаешь, от начальства лучше быть подальше, а к кухне поближе.

— Ты там смотри, возле коней не расслабляйся. Как только тронемся отсюда, так сразу же к нам. Батя сегодня уже спрашивал, почему под рукой нет радиста.

— Ладно, как будет нужно, кликнешь. А пока я во второй батарее перекантуюсь. Что тут у вас под ногами болтаться.

Ожидание затянулось, уже выкурили по папироске, перешли на самокрутки, но никто не расходился, ждали своих командиров. В поселке, кроме сол-

дат, не было ни души, перепуганные местные жители разбежались. Солдаты бродили по соседнему дому, с любопытством осматривая двери, окна, лестницы, обустройство комнат. В домах были не виданные ими в их деревнях водопровод и канализация. В углах комнат высились тяжёлые печки из кафельных изразцов. Печки были еще теплые, накануне хозяева топили, рядом лежали поленья и необычные брикеты, похожие на плотно спрессованную землю, оказалось — высушенный торф.

Наконец офицеры гурьбой высыпали из дверей вокзала и спешно двинулись по своим батареям.

Когда они с комбатом отошли за соседние дома, Ефим поинтересовался:

— Марк, ну что там сказали?

— Что, что?.. Стоять будем несколько дней. Велено занять позиции западнее соседнего посёлка Дамерау*, на пригорочке. Занять да окопаться по полному профилю. Так что лопаты нам хаемяся... Эх, уж лучше бы наступать. Ну, ничего, сейчас выставим охранение понадежнее и спать, а завтра окапываться. Лопаты-то не растеряли?

— Не боись, не растеряли, лопат теперь даже больше, чем раньше было. Полная телега, громыхали в дороге на всю округу. Старшина-то у нас из ловкачей.

До батареи дошли быстро. Все уже разместились и заканчивали ужин.

Каневский двинулся в своё расположение, бросив вдогонку Ефиму:

— Вы там смотрите с ребятами — не суйтесь куда попало, а то нарвётесь на мину или на очередь из шмайсера. Завтра всю округу осмотрим как следует, тогда спокойней будет. Передай командирам орудий — пусть живо идут ко мне.

Ефим пробежался по домам, где разместились батарейцы, а потом, уже не спеша, двинулся в конец переулка к Кольке в надежде на скорый ужин. На этот раз он зашёл во двор с тыльной стороны через большой старый сад. Деревья — яблони и груши — уже сбросили листву и сиротливо стояли с мокрыми, чёрными стволами. Вся земля укрылась тёмно-коричневым одеялом из опавших листьев, недосуг хозяевам было этой осенью обихаживать свой сад. От дома сад отделялся сараем, его задняя сторона стояла глухая, безоконная, только в самом низу пробито оконце, скорее маленькая дверка, через которую из сарая выбрасывали навоз и складывали его за сараем отдельно в кучи — коровий и лошадиный. За осень и зиму навоз должен перегореть, а весной он удобрит огород, чтобы летом и осенью, как заведено с давних пор, земля щедро наградила хозяев урожаем. И земля терпеливо ожидала от людей, захлестнутых войной, подкормки, не в силах осознать тщетность этого ожидания.

Николай возился во дворе с лошадьми. Он раздобыл где-то широкую бадью для воды и теперь старался установить ее понадежнее, чтобы лошади не опрокинули, когда будут пить.

— Что так долго пропадал? Я уже давно термоски с едой принёс, всё не ел, ждал тебя. — Николай протянул Ефиму два пустых ведра.

— Вон там колонка, принеси лошадам ведер восемь воды... А я займусь ногами Майки, пока ранки не загноились.

Любимую лошадь Кольки звали Майка. Уже второй год, ещё с Белоруссии, волочила она по бездорожью тяжёлую пушку. Ей везло, разок только посеколо бок осколками, но вскользь, не глубоко. И Колька, заботившийся о ней, как о ребёнке, быстро залечил раны. Другие кони редко когда держались в батарее дольше трёх-четырёх месяцев, гибли от осколков, а то и попросту надрывались, не в силах выдержать то, что выносили на войне люди. Ещё год назад все орудия батареи таскали лошади, а теперь в Колькином хозяйстве остались только три тягловые да одна верховая лошадь комбата. Но комбат не любил ездить верхом и охотно отдавал свою лошадь лейтенанту Петру Рогову, своему заместителю, знатному лошадику. Сменили лошадок американские тягачи. Так что теперь кругом было железо, машины таскали орудия. Сейчас Майка была жеребая, и месяца через полтора-два в батарее ждали пополнения, под Новый год должен был родиться жеребёнок.

Ефим побежал с ведрами к колонке в дальний угол двора. Колонка стояла на прочном бетонном основании, добротная, коричневого цвета, из крупновского металла, с удобной ручкой-качалкой. Ведро подвешивалось на специальный клювик, и вода лилась прямо в ведро, не расплескиваясь. Пять раз качнул, и готово. За четыре ходки Ефим наполнил водой бадью и подвёл к ней пару лошадей. Лошадки пили с достоинством, не спеша. Колька всё ещё возился с Майкой, очищая последнюю ранку и смазывая её какой-то своей особенной, вонючей мазью из стеклянной банки. Лошадь стояла смиренно, терпеливо дожидаясь, когда доморощенный ветеринар закончит свою работу. И только иногда по её гладкому, коричневому боку волной пробегала дрожь, тогда Майка переступала с ноги на ногу, тяжко вздыхала, всхрапывала и снова успокаивалась.

Тем временем к дому, где расположился комбат, подъехал грузовик с кузовом, затянутым тентом. Привезли раненых. Те, что отделались легкими ранениями, сидели у борта и дымили самокрутками. Это были пехотинцы 84-й стрелковой дивизии, которые накануне брали близлежащие посёлки. Теперь их отправляли в госпиталь, который уже всю работу на территории Пруссии, восточнее Шталлупене-на. Из кабины легко выпорхнула девушка в распашнутой шинели с погонами лейтенанта медслужбы. Юркой ласточкой взлетела на крыльцо и только взялась за ручку двери, как та широко распахнулась, и ей навстречу шагнул капитан с полотенцем на шее, без гимнастёрки, в белой рубашке и с такой же белой мыльной пеной, оставшейся на щеках.

— Рита... — удивленно протянул он.

Девушка рассмеялась и кинулась ему на шею.

— Здравствуй, мой капитан. Я как узнала, что ваш полк направили к этому посёлку, так и загадала, что найду тебя здесь, сама напросилась в поездку. Два часа грузили раненых, колонна тронулась, а я к тебе, хоть на мгновение, но увижу...

Комбат держал девушку на весу, бережно прижимая ее к себе, и, счастливо и растерянно улыбаясь, что-то тихо шептал ей на ухо.

— Нет, нет, не могу задержаться ни одной минутки, солдатики и так долго ждали, кровью истекут. — Голос у девушки был звонким, а Колька, чтобы ещё лучше слышать, обошёл лошадь с другой стороны. Капитан поцеловал девушку, и она, отстранившись, уже почти сойдя с крыльца, крикнула:

— Наш госпиталь найдётся легко, как возьмут Шталлупенен, нас сразу переведут туда, разместят рядом со штабными. Как-нибудь напросись сопроводить своего полковника в Шталлупенен. Я жду тебя каждую минуту.

Она запрыгнула в кабину, и грузовик медленно тронулся, вырывая из проулка на дорогу. Капитан очнулся от сладкого плена и только тут заметил, что все бойцы батареи высыпали на улицу и смотрят вслед медсанбатовскому грузовику.

— Ну, чего повылазили? Не спитесь вам? Ничего, завтра так наломаетесь, что не разогнетесь. Быстро по местам. — Комбат рассмеялся и скрылся за дверью.

Колька еще минут десять обихаживал и чистил лошадь, потом отвел ее в сарай, где в выгороженном стойле уже лежала подстилка из соломы, дал сена и наконец пошел умываться. Две других лошади остались привязанными у стены на улице. Несмотря на то, что Колька всю жизнь прожил в деревне, склонность к чистоте он имел особую. Не до болезненности, конечно, но руки мыл тщательно, как хирург. Ефим взял кружку и стал поливать ему на руки.

— Ефим, тут Иосиф зашел... Ну, знаешь, заряжающий из второго расчета... Просится к нам. Давай возьмем его, уж больно я люблю с ним разговаривать. Ты не гляди, что он такой угрюмый. Станный он, это верно, но как отогреется душой да попривыкнет, так говорить с ним одно удовольствие.

— Что ты спрашиваешь, я тут у тебя на постое, а не ты у меня. А заряжающие они все угрюмые. Посмотри и у нас, и в других батареях. Попробуй, покопай укрытия, потаскай целый день пушку и снаряды. Да и глюхнут они быстро.

И верно, Иосифу шёл двадцать третий год, но из-за постоянной угрюмости выглядел он гораздо старше. Он никогда не участвовал ни в каких дрязгах, а постоять за себя умел, и бойцы чувствовали в его странном молчании внутреннюю силу. Когда Ефим с Колькой вошли в сарай, Иосиф уже устраивал себе постель в дальнем углу.

— Я во сне храплю, так что лягу подальше от вас, — пояснил он Кольке.

— Ну, подальше так подальше, возражений нет. Давайте садиться, а то уже всё остыло. — Колька раздвинул сено, откинул в сторону шинель, в нее были завернуты два термоска, один с кашей, другой с чаем. Эти трофейные термоски — редкие, зеленовато-желтого цвета — появились у Кольки совсем недавно. Он открыл первый, достал ложку и стал раскладывать по котелкам еще горячую кашу. От гречки исходил манящий, густой запах. Все трое дружно придвинулись к столу.

Грохот, тяжёлый топот раздался за низким сарайным окошком, кто-то заорал: «Пожар, пожар! Выходите, мать вашу! Сгорим! Давай воды, бегом к колонке...» Ефим и Иосиф кинулись на улицу, только Колька замешкался, перекладывая кашу из котелков обратно в термосок с тщетной надеждой сохранить тепло.

Горел соседний дом, а их сараю вроде ничего не угрожало. Но вот на дом, куда вселились солдаты батареи, огонь мог перекиннуться запросто. Горящий дом был каменным, крепким, чему там гореть-то — деревянные только перекрытия да крыша... Вот она и полыхала. Но как огонь добрался туда? Колька обошёл здание и у торцовой стены дома, с тыльной стороны увидел два плотно скрученных полуобгорелых жгута сена.

— Вона что, домик-то подожгли. И кто ж это сподобился? Немцы или наши лихие ребяташки?

Языки пламени с воем поднимались над поселком, заревом освещали небо, пытаясь слизнуть с него звезду, низко висящую над крышами. За свой долгий век балки и стропила высохли и теперь горели самозабвенно, будто в этом и состоял долг дерева, отсроченный человеком так надолго и неразумно. С отчаянным треском лопалась и рушилась наземь тяжёлая черепица. Ветра не было, но самим пожаром создавалась такая неравномерная мощная тяга, что языки пламени бросало из стороны в сторону. Солдаты споро таскали воду и поливали крышу своего дома, не позволяя ей, всё сильнее раскалявшейся от бушевавшего по соседству пожара, воспламениться. На коньке крыши сидел заряжающий Петруха Тихий и указывал, куда надо лить воду. Только наводчик Романенко стоял недвижно, прислонившись к забору, глубоко дышал и во все глаза смотрел на пожар, словно пытался впустить пламя внутрь себя.

— Что стал, давай тащи воду, дом спасай, — крикнул ему Колька.

— Чего его спасать-то... Вон сколько этих домов-то. Поселок большой, в любой селись. Нехай себе горит, лобок мне видеть это.

— Дурак ты, братец, или больной. Душа у тебя, видать, совсем закоптелась, свет не пропускает, почистить бы надо. — Больше Колька препираться не стал, побежал с ведрами к колонке.

Через час всё утихомирилось, крыша рухнула внутрь дома и ещё горела, но языки пламени высоко уже не поднимались. Солдаты, мокрые и прокопченные, костеря все на свете, стали расходиться.

— У кого только руки чешутся? Кому в голову пришел крепкий дом запалить, — сокрушался Иосиф, — руки ему оборвать надо.

— Конечно надо, вот только кто обрывать-то будет? Вон наш Романенко битый час стоял у забора, любовался пожаром. Он небось и подпалил со своей гоп-компанией, они совсем распоясались... — Колька снова достал схороненные под шинелью термосы и разложил кашу по котелкам. Уже не вился от нее прежний сытный парок, но всё ж таки каша окончательно не выхолодилась. Ели молча и быстро. Зато чай пили неспешно, с хлебом и сахаром впри-

куску. От чая ословели, успокоились и беседу вели степенно. Прихлебывая чай, Николай спросил:

— Слушай, Иосиф, объясни... Вот Ефим еврей, и имя у него такое — еврейское. А ты русак, откуда имя-то у тебя Иосиф?

Вопрос вроде бы совсем безобидный, но внутри Иосифа все напряглося. Пытаясь сдержать волнение, он еще раз с придыхом отхлебнул из кружки и с деланным спокойствием ответил:

— А то ты не знаешь! В честь товарища Сталина. Уж очень его у нас на железной дороге уважали. Вот родители и назвали меня...

Иосиф почувствовал, как струйка липкого пота побежала у него по спине, на лбу выступила испарина.

— Эх, хорош чаек, пот гонит. — Иосиф, сдерживая волнение, утер со лба пот. Никто вроде не почувствовал его напряжения, все допивали чай с явным удовольствием. После чая накатила усталость. Пора и на боковую, вот она — первая спокойная ночь за неделю наступления.

Иосиф поднялся из-за стола первым и пошел в угол, где устроил себе постель. Снял гимнастерку, аккуратно повесил её на гвоздь, вбитый в балку, стянул сапоги и разложил портянки на просушку. Быстро улегся, натянув поверх солдатского одеяла шинель. Шинелька все время сбивалась, пока Иосиф не отстегнул хлястик и не подогнул под себя полу. Он лежал, пытаясь сдерживать дыхание, сердце колотилось так, что, казалось, его удары были слышны за стенами сарая. Самый простой, обычный вопрос вывел его из равновесия, и это при том, что задал его Колька, которому можно было доверить всё.

Конечно, в тридцатых годах многих мальчиков называли Иосифами, но он-то родился в 1922 году, и тогда это имя ребенку могли дать только те, кто близко, очень близко знал Кобу — товарища Сталина. И уже одной этой зацепки вполне достаточно для особого внимания всевидящих органов. Четыре брата, работавшие в железнодорожных мастерских, пришли в рабочие кружки перед первой германской войной, а в 1918 году на фронте Гражданской войны познакомились со старшим товарищем, членом военного совета Иосифом Сталиным. С тех пор они всегда работали у него на виду и к 1935 году досрочно до больших партийных и хозяйственных руководителей. А старший брат Петр и вовсе стал заместителем председателя Совета Народных Комиссаров. Несчастья начались через год, когда младшего из братьев арестовали по делу об очередном партийном уклоне. Затем другой из братьев, руководитель большого производственного объединения, неожиданно умер от сердечного приступа в подмосковном санатории ЦК. Иосиф ясно помнил день, когда отец с матерью, получив страшное известие, закрылись в комнате. Когда через час они вышли к детям, поседевшего отца нельзя было узнать. Именно тогда родителям Иосифа и стало понятно, что сами они уже не спасутся от карающего меча партии, но нужно постараться спасти детей — Иосифа и его сестру Машу, которая была семью годами младше. Паспортов у ре-

бят еще не было, так что оставалась надежда, что им удастся вписать в документы фамилию бабушки по материнской линии — Петровой Марии Ивановны. Её семья испокон веку жила на небольшой станции под Ростовом. Иосиф не знал, как и какие документы удалось выправить матери на них, но в первых числах июня тысяча девятьсот тридцать седьмого года, сразу после учебы, мать со слезами отправила их с Машей ранним утром пешком на вокзал. К отходу поезда родители не пришли, боялись не сдержаться и выдать своё присутствие. Так шестого июня в семье Петровых под Ростовом появились внук Иосиф Петров и внучка Маша. А через два месяца Иосиф прочитал в «Правде» сообщение об аресте очередных врагов народа, в их числе оказались и отец с матерью. В августе старший из семьи Пётр попытался выяснить в НКВД судьбу родных, даже добился личной встречи с товарищем Сталиным. И в тот же вечер застрелился в своей московской квартире, не оставив ни записки, никакой другой информации о беседе со своим старым товарищем. Про самоубийство врага народа, таким образом избежавшего справедливого народного суда, Иосиф тоже узнал из газет. А ещё через год в маленьком русском провинциальном городке, где когда-то родились братья, были тихо арестованы и навсегда исчезли две их сестры, но о них в газетах уже не писали. Иосиф про это узнал только в начале войны от бабушки. За три года могучую рабочую семью вырубил под корень какая-то таинственная, чудовищно безжалостная сила, и от нее остались только два слабеньких, тоненьких, молодых побега: Иосиф и Мария. Единственное сохранившееся свидетельство родительской любви — отцовская записка на половинке странички из ученической тетрадки в клетку, написанная перед отъездом в командировку, хранилась у Иосифа в нагрудном кармане, как самая большая ценность. Записку отец подписал не именем, а нейтрально — «Твой отец», и Иосиф счёл возможным хранить её.

Несмотря на усталость, накопившуюся за последние шесть дней, заснуть Иосиф не мог. Лежал и невдальце смотрел вверх, где старые, до звона высохшие стропила сходились у самого конька крыши. Слушал поскрипывание балок и легкое всхрапывание лошади за перегородкой. Ему казалось, что нары, которые он соорудил, наклоняются, он соскальзывает с них и падает в бесконечную глубину неба, но падает не вниз, а вверх, где его ждут родители. Голова кружилась, и все двадцать три года, прожитые им, перемешивались в памяти, события наплывали друг на друга, не отступали в прошлое, а стояли перед ним в своей страшной простоте.

Глава 2

Октябрь 1944 года

В ночь с 16 на 17 октября 1944 года началось то лихорадочное возбуждение, которое всегда возникает перед наступлением. Оно охватывает всех, даже повоевавших, бывалых солдат и офицеров.

Кто-то неведомый руководил перемещениями артиллерийского противотанкового полка. Где-то далеко чья-то рука наносила на карту точку, и через шесть часов батареи уже окапывались в этом месте, открывали ураганный огонь по врагу, когда прямой наводкой, а когда и навесом с закрытых огневых позиций. Этот кто-то, не знавший лично никого из солдат и офицеров, решал, к какой из стрелковых дивизий, начавших лавинное движение по Восточной Пруссии, будут приданы батареи артиллерийского полка. От него, человека с карандашом и линейкой в руках, сидевшего за столом, заваленным картами, зависела судьба одновременно всех и каждого в отдельности. И молодого сержанта, засыпающего сейчас на сене в сарае прусского посёлка, о котором он никогда раньше не слышал; и Иосифа, лежащего в углу сарая с открытыми глазами; и уже сладко спящего везунчика-капитана; и Бати — командира полка, пытающегося успокоить боль от разгравшейся застарелой язвы; и Кольки; и даже жизнь Колькиных лошадей, которые, на свою беду, угодили в страшную бойню, начавшуюся между людьми пять лет назад.

Все они знали только одно: чтобы выжить, им надо победить, но и победа не гарантировала жизни. Каждый день из этих шести дней пока ещё не захлебнувшегося наступления погибали тысячи человек. Будто кто-то отщёлкивал на гигантских счётах костяшки — слева направо. Из живых — направо, в бездну к погибшим. В первые минуты наступления — единицы убитых, потом десятки, сотни, тысячи, а к пятому дню и десятки тысяч жизней, переброшенных с коротким сухим стуком на сторону мёртвых этими страшными дьявольскими счётами. Из жизни — в никуда, в небытие, которое невозможно ни осознать, ни принять.

Обо всём этом не думал человек, склонившийся над картой и только что наметивший красным карандашом маленькую стрелку в направлении от Шталлупенена к Гумбиннену. А если бы он думал об этом, то не смог бы делать свою скучную в виду работу. Ведь завтра эта нелепая тонкая стрелочка прервёт жизни полутора тысяч солдат из двух стрелковых дивизий и приданных им частей, которые неожиданно упрутся в сильно укреплённую оборону и будут накатываться на неё раз за разом, пока не захлебнутся кровью и не отползут обратно на занятые накануне позиции. Отползут, обескровленные, вынося из боя раненых, а если получится, то и убитых товарищей. В шинелях и бушлатах, пропитанных кровью, в страшной грязи и копоти, покрывшей грубой коркой одежду, руки, лица, даже души солдат. Каждый день этот штабной человек как бы доигрывал старую или начинал новую шахматную партию на пространстве почти в двести километров от Юрбаркаса до Кальварии. И от его своеобразного шахматного мастерства и удачливости зависела жизнь тысяч неизвестных ему людей. Да и зачем ему было знать их. Ведь фигурами в его игре были не Колька, не Ефим, не комбат, а полки и дивизии, тысячи и десятки тысяч Колек. И вслед за только что нарисо-

ванной стрелкой с припиской «55 стрелк. див.» уже наутро приходили в движение тысячи людей, тысячи машин, танков и орудий. А к вечеру в штаб поступали сводки о раненых и убитых. Но эти бумаги приходили уже к другому офицеру, а этот штабной стратег снова и снова упрямо рисовал свои стрелки, передвигая позиции все дальше и дальше на запад, в самую глубь Пруссии.

Был этот человек самым старшим, вернее, самым старым в штабе 3-го Белорусского фронта. Звали его Орловцев Николай Николаевич, но за глаза ни по имени, ни по фамилии его не называли, только коротко — Штабной. Орловцев знал и принимал это прозвище. Первую мировую войну он начал в этих местах молодым штабс-капитаном. И хотя всю жизнь проработал в оперативных отделах штабов, так и остался в этом звании. Из-за дворянства своего вперед не лез, старался остаться в тени, поэтому чинов не получал, хотя был, наверное, самым квалифицированным специалистом в планировании армейских операций. Штабом фронта командовал отличный штабист, когда-то, году в шестнадцатом, короткое время бывший его подчиненным, Александр Петрович Покровский. Так получилось, что вся жизнь Штабного была связана исключительно с армией, а с тридцать девятого года только с войной. Жена и маленький сын Орловцева не пережили невзгод Гражданской войны, умерли от тифа в Петрограде. Это стало для него страшным ударом, и больше семьи он не заводил. Жил только своей профессиональной штабной жизнью, в которой достиг высшего мастерства. Может быть, в оперативных управлениях фронтов он был одним из последних офицеров среднего звена, которые прошли школу Генерального штаба Русской армии.

После взятия Вильнюса 13 июля первую неделю он работал в одиночестве, затем к нему начали присоединяться офицеры из различных подразделений штаба фронта, затем старшие офицеры оперативного управления, а затем и начальники управлений. В штаб стекалась информация, которая учитывалась в разработке самой общей стратегии предстоящих боевых операций. Но самыми важными были именно первые недели размышлений Орловцева. Он сидел один в большой комнате — торжественной зале роскошного вильнюсского особняка, похожего на Петербургский дворянский дом времен его юности. На стенах зала он развесил склеенные из многих кусков огромные карты. Посреди комнаты стоял большой массивный стол, в углу находился диван, на котором Штабной спал, когда уже больше не мог всматриваться в слепые карты. Он точно рассчитал, что к середине августа войска 3-го Белорусского фронта выйдут к границам Восточной Пруссии, первой немецкой земли на пути Красной армии. Было примерно ясно и в каком месте это произойдет. Он понимал, что комкоры и комдивы, эти горячие головы, жаждущие наград и полководческой славы, будут азартно рваться в бой, губя своих солдат, надеясь на плечах неприятеля ворваться в глубину вражеской

территории. Все это знакомо и понятно. Но здесь-то и подстерегает опасность положить и так уже истощенные наступлением полки под огнем вражеской артиллерии и пулеметов. Опытный противник только и ждет этого, изготовившись на тщательно подготовленных позициях. Выявить места расположения этих позиций, направить удары войск в разрез между ними было первейшей целью раздумий Штабного. А еще мучил вопрос бесперебойного снабжения наступающих войск, этот проклятый инстантантский, скучный вопрос снабжения, всегда остающийся на задворках главных военных решений, но погубивший больше полководцев, чем храбрость солдат противника. После семи вечера он оставался один, ужин ему приносили в кабинет, как будто он генерал, а не состарившийся капитан. Он сидел, погрузившись в огромное кресло, закрыв глаза, пытаясь вызвать в своем сознании все, что было связано у него с Восточной Пруссией.

Первый раз он побывал в Кёнигсберге пятнадцатилетним юношей, в 1904 году, вместе с младшим братом Юрием. Брат с восхищением относился к нему, во всем подражал и называл его Ник, взяв это имя из какого-то иностранного приключенческого романа, который родители заставляли Юрия читать на английском. В Германии уже практиковали исправление прикуса и зубов при помощи скобок, и детей из знатных семей отправляли в Берлин или Кёнигсберг. Братья хорошо говорили по-немецки и чувствовали себя в городе вполне свободными. Зубной кабинет известного врача находился на улице Ланге Райе*, где во множестве работали медицинские клиники, институты и музеи, входившие в состав знаменитого местного университета. В сопровождении наставника братья дважды в неделю ходили на прием к врачу пешком от Штайндамма* до Ланге Райе. Всё остальное время гуляли по городу, удивляясь, как удобно, несмотря на тесноту, устроен быт горожан и как много в городе казарм и людей в форме.

Жили братья в доходном доме, в маленькой уютной квартире, рядом с огромным замком. Главная готическая башня замка, стоявшего на Королевской горе, возвышалась над городом на девяносто метров и как бы утверждала лидерство военных в этой восточной провинции Германии. Ник уже тогда знал, что ему предстоит большая военная карьера, и его интересовало всё, что касалось армии.

Армейских офицеров в Кёнигсберге можно было увидеть везде. В ресторанах и казино, в синематографе, в гостинице, в еще новом зоопарке на Хуфене, на улицах и, конечно, на множестве строевых мероприятий: от развода гарнизонных караулов до смотров и парадов, которые проводились в городе с пугающей регулярностью. Братья часто гуляли вдоль городского вала, превращенного в парк. Ник навсегда запомнил массивные здания из красного кирпича, тянувшиеся от пруда Обертайх. На берегах этого пруда возвышались башни Врангеля и Дона, а дальше по Литауэнвалю находились военные склады, крепость-казарма Кронпринц, форт Грольман, Королевские

ворота и ряд домов, более похожих на крепостную стену, упирающуюся в реку Прегель, на берегу которой стоял еще один форт — Литuania.

Везде только и слышалось:

— Вот когда кайзер Вильгельм приезжал...

Или ещё чаще:

— Кайзер приедет, тогда уж посмотримся парадов.

Город буквально помешался на тщеславном и амбициозном кайзере и его самоуверенных генералах.

Домой, в Петербург, братья возвращались поездом, границу пересекали в Эйдкунене*, и везде по пути следования видны были следы серьезной военной инженерной работы. На поезд до Петербурга пересаживались в Кибартае, который практически разрезался на части германо-российской границей. Хотя собственно станция по странному стечению обстоятельств называлась Вержболово.

Орловцевы — известный дворянский род, мужчины которого с екатерининских времен традиционно служили в русской армии. Кое-кто дослуживался до генералов, но все без исключения честно служили Царю и Отечеству, ничем не запятнав себя. Семья наследовала два небольших имения в Тверской губернии, дававшие невеликий, но постоянный доход. Отец братьев, тоже Николай Николаевич, получил блестящее образование военного инженера, руководил строительством важнейших оборонительных сооружений в западной части империи. И если Ник, с его «военной косточкой», уже точно знал свою судьбу, то брат Юрий склонялся к выбору Петербургского университета, разрываясь между юридическим и философским факультетами.

Через год после поездки в Кёнигсберг Ник, выйдя из гимназии, поступил в Московское Алексеевское военное училище. Так началась его военная жизнь, к которой он готовил себя с детства. Окончив училище по первому разряду, он получил чин подпоручика и отправился по выбору служить в Виленский округ, в гвардейский Троицкий полк, квартировавший в Вильнюсе. Служил он успешно и на третий год поступил в Императорскую Николаевскую военную академию. Академию и дополнительный курс Орловцев закончил с отличием. В 1913 году он был выпущен штабс-капитаном на службу в Генеральный штаб. Николай уже имел опыт службы в линейных боевых частях, теперь же ему предстояло получить опыт штабной работы высшего уровня. Юрий к этому времени уже учился на втором курсе Петербургского университета, но больше, чем философии, поклонялся своему новому увлечению — поэзии. Ник дневал и ночевал в оперативном отделе Генерального штаба, с братом в эту пору общался мало, а в компании его новых литературных друзей не бывал вообще.

Напряженность в Европе тем временем нарастала, и весной 1914 года Орловцева отправили от Генерального штаба в Виленский военный округ на высокую для молодого офицера должность младшего адъютанта штаба округа. После объявления 20 июля в России всеобщей мобилизации в Виленском округе формировалась 1-я армия Северо-Западного